

ДАРЬЯ
КОЖЕВНИКОВА

ОПАСНЫЕ СТРАСТИ

ЛЮБОВЬ
УБИТОЙ
СНЕГУРОЧКИ

Опасные страсти. Остросюжетные мелодрамы

Дарья Кожевникова

Любовь убитой Снегурочки

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Кожевникова Д. С.

Любовь убитой Снегурочки / Д. С. Кожевникова — «Эксмо»,
2019 — (Опасные страсти. Остросюжетные мелодрамы)

ISBN 978-5-04-100046-2

Под Новый год Тамара готовилась к новой жизни — правда не очень счастливой... Она потеряла мужа, и с тех пор сердце ее сковано льдом. Зато у нее есть любимая работа, и ее пригласили на руководящую должность в крупную компанию. Тамара решила идти вперед, несмотря ни на что. Но... перешла дорогу не тем людям. В холодную зимнюю ночь Тамара обнаруживает себя в лесу, едва в сознании, в бутафорском костюме Снегурочки. Чудом она выживает, но опасность не миновала — Тамара объявлена в розыск по обвинению в мошенничестве! Она в западне, и единственный, кто может помочь, — это мужчина, с которым связаны мучительные воспоминания...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-100046-2

© Кожевникова Д. С., 2019
© Эксмо, 2019

Дарья Кожевникова Любовь убитой Снегурочки

Первое, что смогло пробиться сквозь обволакивающую Тамарино сознание пелену, было скорее не мыслью, а пока еще только чувством: «Боже, как холодно!» Думать поначалу она была не в состоянии. Просто ощущала, как ее окоченевшее тело сотрясает такая дрожь, что лишь чуть-чуть не хватало до судороги. Потом и сознание начало включаться. Медленно, фрагментами, как утренний пейзаж, проступающий сквозь начавший рассеиваться туман. Холодно! Очень холодно! Но почему?

Уже осознанно Тамара попыталась шевельнуть рукой. Пальцы царапнули подтаявший снег. Снег?! Неожиданное открытие подстегнуло Тамарино сознание, побуждая его возвращаться быстрее. Она начала не только воспринимать окружающее, она стала еще и думать. Откуда вокруг нее мог взяться снег? И вообще, где она находится? Голова раскалывалась на части. Не сдержав болезненного стога, Тамара с трудом разлепила глаза. Льдинки, сковывавшие ресницы, повисли на них мелким бисером. За ними мало что было видно, но первую информацию к размышлению Тамара получила: она в лесу! В зимнем, заснеженном лесу! Лежит возле кучи валежника. Как она здесь оказалась? Она, жительница города, никогда не выезжавшая за его пределы?

Дрожь, сотрясающая ее тело, дала Тамаре понять, что первым делом нужно как-то отсюда выбраться. А уж как она сюда попала – это как раз вопрос не первой важности. Прочь отсюда, скорее – выбираться из этого холодильника под открытым небом.

Ага, ноги. Надо было как-то встать, а ноги-то онемели. С трудом заставляя их двигаться, Тамара кое-как поднялась. Постояла, шатаясь, дрожа и тупо глядя прямо перед собой. Какое сегодня число? Сколько времени она здесь провела? Вряд ли много, иначе никогда бы уже не задалась этим вопросом... Синоптики вроде обещали не слишком злые морозы в предновогодние дни? Впрочем, для человека, лежащего без сознания в снегу, всего пары градусов ниже нуля было бы вполне достаточно. Особенно в одежде не по сезону... Тамара критически оглядела свою одежду, чувствуя, что на ней явно не ее норковая шуба. И оказалась права, потому что бутафорская, расшитая стразами «шубка» Снегурочки откровенно не тянула на норку. Ни по виду, ни, что сейчас было самое главное, по своим согревающим качествам. Напротив, она была пошита так, чтобы артистке в ней было не слишком жарко на сцене. И если бы Тамара уже несколько лет не занималась закалкой, обливанием и купанием в проруби... До нее вдруг со всей отчетливостью дошла припозднившаяся мысль о том, что, кажется, ее пытались убить. Кто и за что? Она же в жизни своей никому ничего плохого не сделала! Но, видимо, при этом все-таки сумела кому-то не понравиться.

– Не дождетесь! – Отчаянно стряхивая с себя обледеневший снег и стуча зубами, она огляделась.

Нарядная шапочка Снегурки в комплекте с двумя искусственными белоснежными косичками и челочкой валялась здесь же, возле сваленных в кучу веток. Такая же хлипкая, как и шубка. Но для Тамары сейчас имел ценность каждый клочок ткани, которым можно было себя утеплить, поэтому она нагнулась за шапкой, встряхнула ее и надела, аккуратно прикрыв пыляющие уши. Убедилась, что рядом с шапкой больше нет никаких вещей – главным образом сумочки с телефоном. Потом огляделась вокруг.

Всюду, куда бы она ни повернула голову, ее взгляд утыкался лишь в деревья. В основном в высокие вековые ели, тянущиеся макушками к низко нависающим снеговым тучам. Хорошо хоть снег из туч пока не шел, а то нашли бы ее, наверное, уже только весной, первые любители подснежников. А может, еще и найдут, если она все-таки не найдет способа отсюда выбраться. Способа и сил, которых практически не было в трясущемся теле. Упасть бы сейчас на кровать,

свернуться калачиком и замотаться в теплое одеяло!.. Но Тамара отогнала от себя эти предательские мысли, потому что поняла, что и в самом деле может сейчас упасть и больше никогда не подняться. Апатия накатывала на нее, но безжалостная дрожь заставляла пока придерживаться этого мира. И действовать. Надо выбираться отсюда срочно, и не только для того, чтобы найти кого-то, способного помочь, но и чтобы просто двигаться. Вот только куда идти?

Она была уже близка к тому, чтобы направиться по глубокому снегу хоть куда-нибудь – возможно, прямо на корм оголодавшим зимой волкам, – как вдруг ее посетила светлая мысль: а как она сюда попала? Не сама пришла и не прилетела, это точно. Но ведь тот, кто притащил ее сюда, должен был оставить на снегу какие-нибудь следы! Тамара опустила глаза и огляделась еще раз. И действительно, нашла дорожку из утрамбованного чьими-то ногами снега. Не переставая радоваться тому, что снегопад пока не начался, она неловко, пошатываясь на каждом шагу, двинулась по цепочке из следов. Тело слушалось плохо, онемевшие ноги двигались с трудом. Еще и сумерки начинали сгущаться, подгоняемые ненастным днем, как назло... Но Тамара не позволила себе отчаиваться, потому что в данной ситуации для нее это означало бы верную смерть. А пожить еще хотелось. И не в последнюю очередь для того, чтобы все-таки узнать, как она здесь оказалась и по чьей недоброй воле это произошло.

Постепенно к телу начала возвращаться подвижность, вот только озноб вместе с оцепенением не проходил, как будто угнездившись где-то глубоко внутри. Шаг, еще шаг. Стискивая зубы, она заставляла себя идти по глубокому снегу. Проваливаясь в него выше колена и падая в попытке сделать следующий шаг, снова выбиралась и замерзшими пальцами выковыривала из голенища снег, часть которого все-таки успевала растаять и предательским холодком стечь в сапоги – к счастью, хоть они не были бутафорскими. Покалывание в ногах, особенно болезненное на кончиках пальцев, уже сменилось онемением, и это приносило некоторое облегчение, хоть и не сулило ничего хорошего.

С неба вначале поштучно, а затем все гуще начали сыпаться снежинки. Тамару этот снегопад заставил занервничать: если едва намеченную неизвестным злоумышленником тропинку засыплет прежде, чем та ее куда-то выведет, то все, пиши пропало, она здесь заблудится! И замерзнет, это уже наверняка. Тамара живо представила себе свое тело, страшное, посиневшее, скрюченное, засыпаемое снегом. Вначале снег запорошит лицо и одежду, оставляя лишь объемные белые очертания тела, потом и они начнут медленно сглаживаться, постепенно сливаясь с покрывающим лес снежным ковром...

На этой далеко не оптимистичной ноте она вдруг даже не вышла, а скорее вывалилась на дорогу. С трудом сохранив равновесие, вначале замерла, боясь поверить в такое счастье. Потом огляделась по сторонам и поняла, что счастья как такового выпало не слишком много. Дорога оказалась проселочной узкоколейкой, по которой машины проезжали хорошо если каждый день, а не раз в неделю. Да, у такой дороги есть преимущество – с нее не сбиться, как с тропинки, и она укатана, благодаря чему по ней гораздо легче идти. Но в какую сторону? След от машины, на которой Тамару могли довести до этого места, уже исчез в свежесыпавшем снегу. Она вышла на середину дороги, огляделась. Место, где ее выбросили, было приметным: здесь имелась арка из трех наклонившихся друг к другу елей, перед которыми валялась четвертая, от дерева в которой остались только очертания, а в нескольких метрах от этой композиции лес с обеих сторон прорезала просека. Ее вид отчего-то навел Тамару на мысль, что идти надо в ту сторону, потому что просека должна быть ближе к цивилизации. Других способов определить верное направление не было. Имелась лишь твердая уверенность, что свое начало эта узкоколейная дорога берет где-то на шоссе. Вот туда Тамаре и надо было. Там люди и частый поток машин, можно поймать попутку, попросить о помощи.

Измученная и замерзшая, она, пошатываясь, замерла и попыталась уловить еще какой-нибудь, пусть даже и далекий, посторонний звук. Но вокруг царила первозданная тишина, в которой был различим лишь шелест падающего снега. И как Тамара ни вслушивалась, а желан-

ного шума моторов услышать так и не смогла. Можно было еще положиться на интуицию, но та тоже упорно не желала нарушать тишину.

– Так, соберись... Не спать, не спать!.. – Тамара зажмурилась и тряхнула головой, надеясь прогнать обступивший ее снежный кошмар.

Может, это все действительно ей снится? А замерзла она от того, что во сне упала с кровати на пол? Но нет, на ее полу никогда не бывает *так* холодно. Тамара поднесла посиневшие руки к губам, попыталась хоть немного согреть их дыханием, но в итоге стало только хуже, потому что чуть ожившие пальцы немедленно отозвались на влажное тепло ломотой. Оставался единственный способ согреться: двигаться. Даже если она выберет неверное направление, не к шоссе, то куда-нибудь эта дорога ее все равно приведет! Кто-то же куда-то по ней все-таки ездит, раз накатали? Только бы не какую-нибудь давно заброшенную вырубку!

Молясь об этом, Тамара в призрачной надежде на спасение пошла по незнакомой дороге неизвестно куда. Втянув голову в плечи, спрятав озябшие руки в тонкие рукава бутафорской шубки, она всеми возможными способами пыталась уберечь в себе крохи тепла. Теперь все закаливающие процедуры, которые она регулярно проделывала до этого дня, казались ей извращением. Разве можно себя специально морозить?! Сомнительное удовольствие... Если удастся отсюда выбраться, она никогда в жизни больше не станет подвергать себя добровольному охлаждению, пусть даже именно закаливание сегодня спасло ей жизнь. Ни обливаний, ни гимнастики на балконе в мороз, ни купаний в проруби! Нет! Тепло! Только тепло! Вот оно, истинное счастье! И никакого другого не надо! Но пока Тамару окружали только холод и одиночество, тишина и стремительно сгущавшиеся сумерки. Ни звука не доносилось со стороны, а небо было уже густо-синего цвета и продолжало быстро темнеть. Оставалось лишь радоваться тому, что падает снег – с ним все-таки было посветлее. Сбиться с дороги Тамара не боялась, так как ее четко обозначали растущие по обе стороны высокие деревья. Но до чего же жутко было идти среди глухого леса, где вокруг ни души!

– Нет, я дойду! Хоть куда-нибудь! – прошептала Тамара, чувствуя при этом, как в грудь, уже изнутри, впиваются тонкие острые льдинки. Из-за них она больше не стала ничего говорить, хотя собственный голос был единственным средством, способным вернуть ей хоть капельку самообладания. Она просто шла вперед, стиснув зубы и не останавливаясь. А чтобы не дать панике захватить все ее существо, принялась восстанавливать хронологию событий.

Как же она здесь очутилась? Без денег, без телефона, без документов. Хорошо хоть *не вовсе без памяти*, а то оборвалась бы связь со всей ее прежней жизнью. Но нет, имя-фамилию она помнит, адрес тоже. И все, что предшествовало ее таинственному и необъяснимому появлению в лесу, не забыла.

Помнила Тамара и всю свою жизнь за прошедшие годы, и смертельную болезнь Женьки, любимого мужа, три года назад закончившуюся похоронами. Помнила, что незадолго до Нового года она, известный в своей области специалист, неожиданно получила предложение перейти в головной офис «Транс-корп» и руководить там отделом, управляя всеми финансовыми операциями компании. Тамару такое предложение очень обрадовало. «Транс-корп» была одной из крупнейших транспортных компаний в стране, имела филиалы по всему миру и могла себе позволить переманивать лучших специалистов у конкурентов. Чем и занималась, предлагая такие условия, от которых трудно было отказаться. Требования, конечно, тоже были высокие, но Тамару трудности не пугали. Ни то, что придется вести финансовые операции чуть ли не по всему миру, ни то, что денежный оборот при этом сможет сравниться с годовым оборотом небольшой страны. Ее это лишь подстегивало, ведь с тех пор, как судьба поставила крест на ее личной жизни, она жила одной лишь работой, не имея никаких других интересов. А тут – новые масштабы, широкие просторы для деятельности, огромные перспективы. Выслушав предложение от самого гендиректора «Транс-корпа», Тамара не колебалась с ответом. Жаль, конечно, было расставаться со своими прежними коллегами и огорчать уже бывшего работода-

теля, который ее тоже ценил. Но она утешала себя тем, что с коллегами сможет иногда встречаться и вне работы, а работодателю оставляет прекрасно отлаженный финансовый механизм, который будет четко и безотказно работать еще долгие годы, если только не произойдет какой-нибудь сбой на глобальном уровне. Впрочем, такового Тамара не ожидала: ее бывший зам, занявший теперь ее место, был умным и надежным человеком, который не должен подвести. Да и она обещала, что в случае чего будет по старой дружбе давать своей бывшей компании необходимые консультации. В общем, вопрос с «Транс-корпом» был решен, Тамаре оставалось только принять дела у своего предшественника, уходящего на работу в какое-то министерство. Процесс был долгим и непростым, так что она всецело погрузилась в него, почти забыв про грядущие новогодние праздники. Но вспомнить о них ее все-таки заставили, правда, совершенно неожиданным образом. Оксана, бывшая одноклассница, с которой Тамара не виделась много лет, позвонила внезапно вечером двадцать восьмого, неведомо как раздобыв ее номер. И произнесла в трубку рыдающим голосом, так естественно, как будто они расстались только вчера:

– Томочка, милая, выручай!

– Что случилось? – Думая, что речь идет о какой-то финансовой консультации, Тома была готова помочь. Но оказалось, что помощь, о которой ее просили, была, мягко говоря, далека от рода Тамариной деятельности. О финансах там речь шла лишь в том плане, что Оксане обещан был гонорар.

– Оксан, извини, но это просто бред, – сказала Тамара, на редкость терпеливо выслушав долгий сбивчивый монолог о том, что ее бывшая одноклассница, еще со школьных лет грезившая о сцене, но вопреки мечтам так и не ставшая кинозвездой, работает теперь на театральных подмостках. И что в канун Нового года она уже не в первый раз берется играть Снегурочку на корпоративах и домашних заказах, но недавно она неудачно – а главное, не вовремя – упала, подвернув ногу и растянув связки, так что едва может передвигаться даже по квартире, не говоря уж о чем-то большем. А между тем на завтра у нее заказ, провалить который она никак не может, потому что клиентом выступает очень богатый и влиятельный дяденька, приглашающий ее уже не первый раз. И этот дяденька ей не простит, если в этот праздник его дети останутся без домашнего спектакля. Перепоручить его проведение кому-то другому Оксана не может. И даже не потому, что конкуренты могут понравиться хозяину больше самой Оксаны, так что на будущий год она потеряет выгодного заказчика. Дело в том, что сейчас, в самый канун праздника, график у всех Снегурочек уже расписан с плотностью до минуты и никто из Оксаниных коллег просто не в состоянии ее выручить... Вот нужда и заставила ее позвонить бывшей однокласснице, которая, как Оксана помнила, весьма неплохо играла когда-то свои роли в школьных спектаклях.

– Том, ну почему сразу бред? Самое большее – час общения с двумя не самыми плохими детьми. Песни, стишки, все просто. Ты же можешь, в школе тебе это удавалось блестяще, разве трудно вернуться на часок-другой в детство?

– Оксан, одно дело – в школе, совсем другое – сейчас...

Тамара осеклась на полуслове, осознав, что не сможет объяснить Оксане причину своего отказа, не обидев ее. Да, когда-то Тамара играла небольшие роли в школьных спектаклях, но эти времена давно прошли. Теперь ей тридцать один, а не пятнадцать, и она уже совершенно другой человек – серьезный, солидный и даже в мыслях своих не допускающий, что она может лицедействовать на потеху толпе. Оксанино же отношение к лицедейству со школьных лет если и изменилось, то совершенно в другую сторону – для нее оно, похоже, стало нормой жизни. Ну да, так и есть, учитывая, где и кем она теперь работает. Как объяснить ей, что Тамара совершенно не разделяет ее увлечений, и сделать это так, чтобы бывшая одноклассница не почувствовала ее пренебрежения и не подумала о ней как о зазнавшейся избалованной «цаце»? Задача была не из легких, и под аккомпанемент Оксаниных всхлипываний, продол-

жающих доноситься из трубки, Тамара никак не могла решиться на отказ. Вроде теперь она совсем чужой человек, но ведь одиннадцать лет проучились вместе и даже год сидели за одной партой... В общем, Тамара согласилась на авантюру, которая в итоге завела ее в заснеженный зимний лес.

– Томка, я твой должник! – закричала Оксана в трубке, едва услышав неуверенное Тамарино «Ну, я не знаю...».

Тома аж шарахнулась от трубки, не ожидая резкого перехода на такие децибелы.

– Ты даже не представляешь, как ты меня выручила! Если тебе когда-нибудь потребуется моя помощь, ты только свисти и я ради тебя в лепешку разобьюсь! Спасибо, Томусик! Ты настоящий друг!

Это Тамара и без подсказок понимала. Вот только не была уверена в том, что в данном случае к пресловутому латинскому «гомо» можно добавить «сапиенс». А Оксана между тем, не давая ей опомниться и пойти на попятную, уже радостно излагала план дальнейших действий:

– Значит, завтра в час! Я сейчас дам твой телефон Деду Морозу, он позвонит и подъедет за тобой к твоему дому. Костюм Снегурки привезет с собой. Там шубка и шапочка, так что ты прямо в машине переоденешься, быстро и без проблем. Только накрасься заранее поярче. Губы, глаза, румянец наведи...

– Стоп, – Тамара окончательно растерялась, – какому еще Деду Морозу??

– В смысле – какому? Самому обычному! Не собирается же внучка ехать на утренник без дедушки? – Оксана оживилась, в ее голосе появились игривые нотки. – Он тебя возьмет под опеку! И довезет куда надо, и спектакль будет сам вести, а ты ему только подыгрывай. Ты сможешь, ты легко с этим справишься, у тебя же талант! Вот кому-кому, а тебе точно надо было с таким в театральный идти!

– Спасибо... – Тамара комплимента не оценила, но виду не подала.

Все еще пребывая в каком-то полушоковом состоянии, она скупно попрощалась с Оксаной, засыпавшей ее бесконтактными поцелуями и заверения в вечной дружбе-любви, после чего переосмыслила случившееся уже в тишине. Да, завтра у нее выходной. Не потому, что вся страна отдыхает, а потому, что они с ее предшественником решили немного отдышаться после двухнедельного рабочего марафона, присоединив к грядущим выходным еще и пятницу. Так что теоретически ничто не мешает завтра Тамаре выручить Оксану и превратиться на часок в Снегурочку. С другой стороны, едва Тамара представила себе завтрашнее мероприятие в деталях, ее передернуло. Накрашенная и разодетая, она, теперь уже финансовый директор одной из крупнейших в стране компаний, будет искусственным голосом нести восторженную чушь, приплясывать, хлопать широко распахнутыми глазами... Это воображаемое зрелище заставило Тому в панике броситься к телефону. Пока не поздно, позвонить Оксане и отказаться! Пусть сама решает свои проблемы как знает. В конце концов, опытный дедушка может выступить и один, без внученьки. Но Оксана как чувствовала, что Томка может испугаться и передумать: ее телефон уже был выключен. Тамара звонила Оксане весь вечер и утром, но абонент был по-прежнему недоступен, так что ближе к полудню финансовому директору одной из крупнейших в стране компаний пришлось смириться с мыслью, что превращения в Снегурочку не избежать. Кинуть бывшую одноклассницу без всякого предупреждения Тамара, привыкшая держать свое слово любой ценой, не могла. Оставалось только ждать звонка от пресловутого Деда Мороза, в ожидании его появления разрисовывая свое лицо так, чтобы соответствовать красочному образу Снегурочки.

Неизвестный абонент позвонил Тамаре в начале первого.

– Ну что, внученька, собралась? – Хорошо поставленный голос соответствовал роли.

«О господи... – только и промелькнуло в ее голове. – Не слишком ли вжилась в роль старый хр... хранитель детских утренников?»

– Ну, так выходи тогда, дедушка тебя уже ждет у подъезда.

Тамара вышла, гадая, как ей узнать во дворе «дедушкину» машину. Но искать ее не пришлось: «дед», при полном параде, стоял возле авто, уже успев привлечь к себе внимание ребятишек. Пока Тамара шла к нему, он успел раздать каждому по маленькой шоколадке, потом шагнул ей навстречу:

– А вот и внученька моя пожаловала! Ну, одевайся, милая, да поехали.

Костюм Снегурки лежал на заднем сиденье машины. Тамара быстро сняла и бросила на заднее сиденье свою шубку, натянула маскарадную. Ребяшня с жадным интересом наблюдала за ее перевоплощением, и, чтобы не разочаровывать детей, Тома сразу же надела и шапку с косами. Хотя косы-то могла заплести и свои, пусть не очень длинные, но смотрелись бы они куда роскошнее, чем торчащая из-под шапки блондинистая пакля. Но не отрывать же ее было, портя костюм! Так что собственную копну волос Тамара скрутила, закрепив заколкой. Села на переднее сиденье, взглянула на себя в зеркало заднего вида и осталась довольна: вроде такая неплохая Снегурочка вышла. Даже наоборот... И Дед Мороз рядом с ней просто шикарный. По глазам видно, что молодой, – все остальное лицо тонет в пышных белоснежных усах и бороде.

«Дед» озорно подмигнул Тамаре, включил зажигание. Выезжал со двора осторожно: некоторые из ребятишек какое-то время еще бежали следом за их машиной, крича и размахивая руками. Тамаре оставалось только удивляться такой реакции: семьи в их домовом комплексе жили далеко не бедные, и эти ребятишки наверняка имели в своей жизни немало всего, но тем не менее простому появлению во дворе самого обычного Деда Мороза с его мелкими гостинцами были искренне рады. Да и встречные взрослые тоже начинали улыбаться, увидев, кто сидит за рулем. Наверное, все дело было в предвкушении праздника, в ожидании чудес, вот и настроение было у всех соответствующее.

Глядя на улыбающиеся лица, Тамара вдруг осознала, что сейчас она даже благодарна Оксане, втянувшей ее в эту новогоднюю авантюру. Если бы не эта поездка в маскарадных костюмах, скорее всего она снова не заметила бы праздника, он пролетел бы так же незаметно, как многие другие за последние три года. Похоронив своего любимого и самого близкого человека, Тамара в каком-то смысле и сама ушла из жизни, перестав замечать все ее маленькие радости, только работа для нее еще имела какой-то смысл. Ну, и еще почти механическое увлечение гимнастикой с закалкой. А дни и ночи, будни и праздники, времена года мелькали мимо, как пейзажи за окном несущегося поезда... И вдруг – вот она, маленькая остановка, крошечный живительный оазис для словно бы омертвевшей души! Она внезапно поймала себя на том, что ответно улыбается водителям встречных машин – они с «дедулей» успели выехать на шоссе, влившись в предпразднично плотный и оттого довольно медленный поток машин.

Куда именно везет ее «дед», она не обращала внимания, погрузившись в свои мысли и полагая, что он знает дорогу. Поэтому была немало удивлена, когда машина остановилась перед вполне обычной многоэтажкой. Оксана ведь говорила про богатого клиента? Тамарино воображение успело нарисовать если не частный дом, то хотя бы жилой комплекс бизнес-класса, вроде ее собственного. Оказалось, нет. Возможно, клиент на самом деле не так уж и крут? Для Тамары это стало бы хорошей новостью: и папаша, вероятно, не будет диктовать свои условия, как мог бы, и дети окажутся не особо избалованными... Тем не менее, когда машина притормозила, Тамара почувствовала, как вся ее недавняя радость улетучивается, снова уступая место брезгливому нежеланию кривляться на потеху публике.

– Ну что, внученька, волнуешься? – спросил «дедуля», оценив выражение ее лица.

И поскольку «внученька» не стала вводить «деда» в курс дела, расписывая ему истинное положение вещей и все свои чувства, а лишь коротко кивнула в ответ на вопрос, поспешил ее приободрить:

– Ничего, это у всех артистов так. Даже у бывалых мэтров перед каждым выходом на сцену, уж ты мне поверь! Так что не робей, а для снятия напряжения давай-ка мы с тобой хлопнем по рюмочке...

Предложение было не таким уж несвоевременным, а коньяк, появившийся в руках у «дедули», оказался не из дешевых, так что Тамара решила, что лишней подобная терапия не будет. Дождавшись, пока «дед» наполнит одноразовые стопки, она приняла у него одну.

– Ну давай, внученька, с наступающим праздником тебя! – «Дед» потянулся к Тамаре стопкой, они чокнулись и выпили...

Ну, по крайней мере Тамара-то точно выпила, а за «дедом» у нее не было причин следить. Тогда не было. Потому что теперь ей было очень даже интересно: а выпил он тогда или нет? Почему она даже не задалась вопросом, что за «козырь в рукаве» должен быть припрятан у «дедушки» для проезда нетрезвым через пост ДПС?

Именно с этого момента у Тамары все ее дальнейшие воспоминания и отрезало как ножом. Начисто! И теперь можно было только гадать: а что же случилось, почему и что за этим последовало? Может, ей стало плохо, а «дед» испугался и поспешил избавиться от тела, не разобравшись, что оно еще живое? Или они оба отравились паленым коньяком, а кто-то их вывез за город и бросил, предварительно ограбив? Ведь неизвестно, как у «деда», а у Тамары в сумочке были наличные, причем приличная сумма. И дорогой телефон! Хорошо хоть документы она оставила дома, а без них и ключи от квартиры случайному воришке, не знающему адреса, вряд ли пригодятся.

Но если все так, если их с «дедом» действительно ограбили, то почему после этого разбросали по разным местам? Ведь очнулась Тамара в гордом одиночестве... Следы пытались замести? Или «дед» все-таки причастен к Тамариным злоключениям? Но тогда встает вопрос: а зачем ему это было нужно? Он ведь знать ее не знал, они виделись первый раз в жизни.

Тут Тамара задумалась: а что, если ему была нужна совсем не она, а Оксана?! Знал ли он Оксану в лицо или должен был выступать с ней впервые? Если он не знал о замене, то вполне мог ошибиться! А потом, поняв свою ошибку, вывез Тамару за город и выбросил в снег. Хотя мог бы и в городе оставить, на лавочку посадить, так у очнувшейся женщины было бы больше шансов выжить. Но нет, предпочел взять грех на душу, если это, конечно, действовал он... Тут голова у Тамары окончательно разболелась – и от холода, и от напряженной работы мыслей. Но в двух вещах она была теперь уверена: в том, что ее хладнокровно пытались убить, не важно, по каким мотивам, и в том, что Оксане тоже угрожает опасность.

Эх, позвонить бы ей сейчас! Узнать, как она, и предупредить! Но телефона нет. Всего лишь телефона, а такое чувство, как будто она лишилась как минимум одной руки. И как только раньше люди жили вообще без мобильных?! Тамара даже представить себе этого уже не могла, хотя в далекие юные годы успела ухватить «безмобильный» кусочек жизни. Но он как-то выпал из памяти. До сегодняшнего дня, пока она не оказалась на пустынной дороге среди леса, под уже полностью потемневшим небом.

Интересно, который час? Не узнать, потому что ответ на этот вопрос ей обычно давал все тот же телефон, а иногда часы, которых сейчас тоже не было. Но вряд ли час поздний, ведь темнеет в декабре очень рано. Значит, процесс по вывозу Тамары в лес не занял у злоумышленников много времени, потому что, когда она очнулась, было еще светло. Но раз так, то завезли ее не очень далеко.

Тамара остановилась, снова прислушалась, пытаясь различить шум машин, пусть даже и далекий, но способный дать хотя бы надежду. Снова ничего не услышала, кроме тихого шума ветра в верхушках деревьев, зато поняла, что ходьба ее согрела, потому что ее уже не трясло так мучительно, как там, возле кучи валежника, где ей довелось сегодня очнуться. Просто было холодно. Хорошо, что хоть ветер не сильный, иначе было бы хуже. Но все равно, стоять нельзя,

надо двигаться, чтобы мороз вновь не взял верх. И Тамара опять пошла. Все вперед и вперед по неизвестно кем и куда накатанной дороге.

Маленькое селенье в несколько домишек она бы не заметила, если бы оказалась возле него чуть раньше, до того, как хозяева зажгли в окнах свет, или попозже, когда окна потемнели бы ввиду отхода хозяев ко сну. Но Тамаре повезло. Она не увидела заметенную снегом тропу, уходящую от основной дороги к селению, но зато заметила желтые окна, маячками светящие ей сквозь снежную пелену. Тут Тамара уже целенаправленно начала искать, как бы туда добраться, и в итоге нашла тот сглаженный выпавшим снегом поворот, мимо которого прошла буквально пару минут назад.

Свернула на него и двинулась по более узкой дороге, не без тревоги гадая, кто же может там жить, в конце пути, за этими освещенными окнами. Не хотелось бы нарваться на компанию каких-нибудь пьяниц... Хотя Тамарино положение было уже столь отчаянным, что радоваться следовало любому встречному, кто бы смог и захотел ей помочь. Лишь бы зла не причинили. Ну, или добились, чтоб не мучилась...

Все больше волнуясь и одновременно чувствуя, как ее покидают последние крохи сил, Тамара вошла в незнакомый поселок. Судя по теням, выступающим из-за снежной завесы, здесь было не меньше десятка домов, но окна светились лишь в трех из них. Тамара вошла во двор первого же обитаемого дома. Из будки на нее заворчала собака, старая, судя по голосу. Потом нехотя гавкнула несколько раз, исполняя свой долг, однако из будки в такую погоду вылезать не решилась. Тамара с опаской прошла мимо нее и поднялась на крыльцо. Слегка перекошенные ступеньки чуть слышно скрипнули под ногами. Звонка она не нашла и постучала в дверь костяшками негнущихся замерзших пальцев. За дверью послышались неторопливые тяжелые шаги.

– Клавдия, ну чаво барабанишь, заходила б уж сразу-то! – В голосе, явно принадлежащем пожилой женщине, послышались ворчливые нотки. – Гоняешь меня попусту... Ой, батюшки! – вырвалось у хозяйки уже после того, как она распахнула дверь и увидела на крыльце особу в расшитой стразами шубке и с бутафорскими косами, спадающими на грудь. – Никак Снегурка? Настоящая? Это откуда ж ты, милая, здесь взялась? Ты Степанидина, что ли, внучка? Варенька? Приехала-таки бабку перед праздниками навестить? Ну, заходи, заходи.

Тома, то ли растерявшись, то ли от того, что замерзший голос не подчинился уже ее воле, даже не успела ответить.

Судя по улыбке на лице женщины, она вначале подумала, что это ее соседки пытаются устроить ей маленькое предновогоднее представление. Но улыбка моментально сошла с ее губ, когда, поднеся тусклый светильник к Томиному лицу, она разглядела его синюшный оттенок и услышала хриплый голос, сопровождаемый клацаньем зубов:

– Пожалуйста, помогите мне, я з-з-заблудилась...

Сама Тамара, наверное, приняла бы такую посетительницу за существо из загробного мира, после чего живо попыталась бы выставить зомби вон, сопровождая свои действия испуганным визгом. На ее счастье, тетка оказалась не робкого десятка или же просто не верила во всякую нежить. Во всяком случае, после короткого замешательства она уверенно потащила Тамару в дом, приговаривая:

– Пойдем, пойдем скорее! Ой, да батюшки! Откуда же тебя сюда занесло? Где ж ты так замерзнуть-то успела? Неужто беда какая случилась?

Тамара ей не отвечала. Не потому, что ей было в принципе сложно ответить на эти естественные вопросы. Просто, оказавшись вдруг в густом избуном тепле, она во всей полноте ощутила, как глубоко проник в нее холод. Успел просочиться в каждую клеточку, в каждый сосудик, исколов их изнутри острыми кристалликами инея. Тамара затряслась так, что вынуждена была тяжело опуститься на ближайшую табуретку, чтобы не упасть. Пальцы опухали на

глазах, и в них тоже запульсировала боль, а дыхание вырывалось из груди со всхлипами, как после долгих рыданий.

– Потерпи, милая, потерпи, сейчас все сделаем! – захопотала тетка.

Она живо содрала с Тамары ее заснеженный, а теперь стремительно промокающий бутафорский костюм, заставила ее подсесть поближе к жарко натопленной печке, потом позвенела над столом посудой и поднесла своей гостье под нос полный стакан самогона:

– Вот! Давай-ка, без споров и залпом! Надо!

Тамара осознала, что да, и в самом деле надо. И не мартини, не марочное вино, и... даже не коньяк. Будь он неладен... Жестом попросила тетку с ее стаканом пару секунд подождать, собралась с духом... Огненный смерч прокатился к желудку, завитками пламени успев проникнуть и в легкие. Тамара мучительно закашлялась и с шумом вдохнула. Но через пару минут почувствовала, как становится легче. Даже, прокашлявшись, дышать стала уже без прежних всхлипов.

– На, закуси! – Дождавшись, когда ее гостья окончательно отдышится, тетка сунула Тамаре кусок хлеба с тонким ломтем сала и соленым огурчиком. И пока Тамара почти механически жевала его, продолжила над ней колдовать.

Раздела до самого нижнего белья, растерла тем же самогоном, надела сверху добытую в шкафу байковую ночнушку. Потом уложила в постель, укрыла одеялами, напоила чем-то, уже безалкогольным, но настолько горячим, что Тамаре запомнился не вкус, а лишь ощущение раскаленной лавы, стекающей по горлу и пищеводу. А потом подействовал самогон, и Тамара почувствовала, что проваливается в небытие. Но теперь, в теплой избе, а не посреди заснеженного леса, она могла позволить себе отключиться, поэтому закрыла глаза, не опасаясь того, что может уже никогда не проснуться. Если, конечно, ей не пригрезилась эта изба, тогда как на самом деле она засыпает сейчас на пустынной зимней дороге...

Наверное, то средство, что было добавлено в выпитый Тамарой коньяк, было не каким-то ядом, а просто снотворным, быстро подействовавшим и позволившим вывезти ее в лес. И оно не выветрилось из ее организма, а просто немного ослабило свое действие на морозе, что и позволило ей очнуться в лесу, нарушив все коварные планы ее несостоявшихся убийц. Теперь же в тепле да на выпитый самогон оно снова начало действовать. Ничем другим нельзя было объяснить, почему Тома погрузилась в непроглядно черное небытие, не сравнимое ни с каким, даже самым глубоким опьянением.

Несколько раз ей чудилось, будто она и в самом деле уже умерла. Выходя из полной темноты, она как будто летела куда-то и даже видела перед собой улыбающегося Женьку, такого, каким он был еще до своей болезни. Тамара тянулась к мужу всей своей истосковавшейся душой, но он отступал назад, так и не позволив к нему прикоснуться, продолжая ей улыбаться на расстоянии. Иногда кто-то тормозил Тамару, заставляя ее ненадолго выйти из забытья, и подносил к ее губам чашку, из которой она послушно пила, почти не осознавая происходящее. А потом снова падала куда-то. Постепенно эти провалы сменило странное полубредовое состояние, в котором она видела густой и пушистый снег. Он почему-то был теплым, и на его фоне она видела склоняющиеся над ней незнакомые лица, слышала какие-то голоса. Вроде три, и все женские... Она даже периодически понимала, о чем они ведут речь.

– Как она попала-то сюда? Пешком дойти не могла, да и зачем? Наверное, не дала какому-то козлу, вот он ее сюда и завез, и бросил. Но это ж он и убить ее так мог!

– Да, попадают же такие сволочи! А что до убийства, так как бы оно еще не удалось. Плохая она, Танька! Что хоть с ней такое творится-то? Надо с ней что-то делать!

– Я делаю все, что могу, если ты этого еще не заметила.

– В больницу ее надо.

– Это ты хорошо придумала – в больницу, а только как? Языком мелешь попусту. Как будто не знаешь, что сейчас, после снегопада, ни одна нормальная машина сюда не проедет.

Теперь только после праздников трактор дорогу расчистит или лесовозы пройдут, намнут колею. Не на санях же ее отсюда вывозить, больную-то? Да она как морозным воздухом снова надышится, так тут ей каюк и придет.

– Как бы не пришел. Вон уж два дня как толком в себя не приходит.

– Тьфу на тебя, Стешка, что каркаешь, зараза! Поправится она! Девка молодая, должна поправиться!

– А если нет? Тогда все трое виноватыми будем.

– Так, вы еще подеритесь, две дуры старые! Я лично с Танькой согласна, везти ее никуда сейчас нельзя. А чтобы виноватыми не быть, если что, надо в «Скорую» позвонить для очистки совести. А вот как пошлют они нас, узнав, куда надо ехать, так и будет у нас оправдание на случай, если вдруг девочка все-таки не выкарабкается.

– Ну вот, теперь они мне вдвоем тут каркать принялись! А ну, заткнулись обе, пока я вам каркалки-то скотчем не замотала! Без «Скорой» обойдемся. Что ее попусту вызывать, если машина все равно сейчас не сможет до нас добраться? А девчонка стабильная, и рефлексy у нее сохраняются. Так что отлежится и придет в себя! Сама. Обязательно!

– Ладно, не кипятись! Мы со Стешкой просто пытаемся перестраховаться. Девчонка-то по холоду шла, раздетая, да по всем прикидкам не один километр. Такой вояж любого подкосит.

– Про любого не знаю, а у этой даже насморка с кашлем не наблюдается. Так что все будет с ней хорошо! Ну да ладно, будем надеяться, что она у нас крепкая. Сколько там на часах-то уже? А то с этими спорами все на свете прозеваем. Тащи шампанское, хватит ему уже там, в сених, остывать. Пока откроем, как раз время подоспеет...

Дважды хлопнула дверь, кого-то выпустив и снова впустив. Звякнули тарелки, на заднем плане ненавязчиво бормотал телевизор. Потом хлопнула вылетевшая из шампанского пробка, а голос из телевизора сменился боем курантов. И под звон бокалов та, которая не Танька и не Стешка, произнесла:

– Ну, с Новым годом, девочки! За нас!

– Как так «с Новым годом»? – Тамара, теперь уже совершенно осознанно, открыла глаза.

Голос ее был еле слышен, и тело как будто истаяло до какой-то хрустальной прозрачности, так что Тамара ощущала себя тонким стеклышком между двумя облаками легких, но толстых пуховых перин. Видимо, вот он отчего ей грезился, теплый снег... Не отрывая голову от подушки, она повернула ее на голоса и увидела трех женщин, сидящих с фужерами шампанского за празднично накрытым столом. Куранты отбили двенадцать раз, но из фужеров женщины так и не успели выпить, потому что застыли под гимн России, глядя на свою ожившую гостью.

– Вот тебе и новогоднее чудо! – первой опомнилась та, которая встретила Тамару в этой избушке. – Я же говорила, что оклемается, а вы мне не верили! – Она залпом выпила свое шампанское, живо пересела от стола к Тамаре, на краешек перины, и обратилась уже к ней: – Ну, как ты, детка? Кушать хочешь? У нас тут много всего, но я бы тебе предложила для начала бульончика. А то ведь ты, считай, два дня нормально не ела.

Тамара согласилась на бульончик. И пока тетка хлопотала, разогревая его, другая, судя по голосу, Стеша, обратилась к ней:

– Повезло тебе, деточка! Говорят, как Новый год встретишь, так его и проведешь. А ты, считай, в этот самый момент воскресла. Значит, и вся жизнь у тебя в этом году переломится к лучшему! Изменится кардинальным образом, ты уж мне поверь!

Тамара только вздохнула в ответ. Она поверила бы, если бы заранее не знала, что мечты несбыточны. Не воскреснет любимый муж, внезапно сгоревший от рака в расцвете лет. Не родится ребенок, которого они уже планировали как раз накануне Женькиной болезни. А что до престижной работы, так это было не главное в Тамариной жизни. И никогда бы она такой

карьеры не сделала, будь у нее сейчас любимая семья. Потому что своей блестящей карьерой она лишь подменяла в своей жизни то, что было потеряно навсегда.

– Ну что ты так тяжело вздыхаешь, такая молодая, да еще и красивая? – Хозяйка сунула ей в руки горячую литровую кружку и ломоть хлеба домашней выпечки. – Вот, давай, подкрепись для начала. А после знакомиться будем.

Бульон был явно нацезен из супа. Угадывались в нем крохотные частички овощей, да и вкус был богатым, насыщенным. Тамара жадно и с большим удовольствием пила его, пока остальные женщины наливали себе по второму фужеру шампанского. Чокнулись, еще раз поздравили друг друга и Тамару тоже. Потом наконец-то познакомились.

– Меня можешь тетей Таней звать, – сказала хозяйка. – А это тетя Стеша и тетя Клава. Вот и весь наш зимний мирок. Три старосты, как нас тут в шутку зовут, в отличие от одного, официального. Здесь ведь дачный кооператив, и летом-то сюда много народа наезжает, а зимой только мы одни кукуем. Ну, и в кои-то веки вот тебя к нам занесло. Чую, что недобрый ветром. Если захочешь, то завтра расскажешь каким. А сегодня, за праздничным столом, не будем говорить ни о чем плохом. Только о хорошем! И пусть наступающий год будет для всех счастливым!

За это снова выпили. Помня про принятую отраву, Тамара не решилась сделать даже глоток шампанского: вдруг та гадость опять заиграет? Вместо шампанского ей в фужер налили компот из китайских яблочек. Вкусный, домашний.

Начиная оживать, Тамара оделась и под села к столу. Тетя Таня вернула ей все ее вещи, чистые и отглаженные. Не отдали ей только костюм Снегурки – три веселые тетушки примерили его по очереди, и, когда выяснилось, что больше всего он подошел по размеру тете Клаве, та осталась в нем. Тамара не возражала: после того, что ей довелось пережить в этом самом костюме, с ним хотелось сделать что угодно, только не надевать... А вот тетя Клава сразу стала вживаться в роль. Раздала всем нехитрые подарки, а потом принялась запевать песни, которые тут же подхватывали все, включая Тамару.

Это был самый необычный Новый год в ее жизни. И в то же время самый теплый из всех за последние три года. Как будто она праздновала не в компании трех едва знакомых пожилых женщин, а в кругу семьи... Песни периодически прерывались для того, чтобы над праздничным столом снова прозвучали поздравления и пожелания. Добрые, искренние. Потом, под аккомпанемент телевизора, женщины пустились в пляс. Тетя Клава даже пыталась влезть на небольшой столик в углу, на котором обычно стояло ведро с водой, чтобы продемонстрировать, что «не только артисты такое могут», и подругам пришлось пресекать ее порыв, чтобы, по словам тети Стеши, «Голубой огонек» не отпечатался бы у плясуньи на пятой точке здоровенным синим пятном, когда она с этого столика рухнет».

– А чего это я рухнуть должна? – Снегурка подбоченилась и воинственно задрала нос. Парик на ней сбился, и волосы упорно падали на глаза, но, вместо того чтобы поправить шапку вместе с шевелюрой, Клавдия каждую минуту комично сдувала челку. Потом махнула рукой на подруг:

– А ну вас, что вы смыслите в высоком искусстве! – И пустилась в пляс уже на полу, по-молодецки отбивая ногами ритм и сообщая на ходу: – А на столе я б вам и канкан могла станцевать! А вот теперь шиш вам обеим!

– Да куда тебе канкан! Даже и на полу-то! – поддела ее Стеша.

Эта фраза стала искрой, раздувшей целое пламя прерываемых смехом споров, во время которых отплясывать канкан принялись уже все трое. Тамара, которую охватило какое-то безудержное детское веселье, тоже присоединилась к ним, но из-за хохота и слабости у нее этот танец получался не лучше, чем у ее пожилых товарок. Обессилев от хореографических упражнений и безудержного смеха, вскоре все четверо попадали на стулья, обмахиваясь газетами, стопка которых была сложена для растопки возле печи. Выпили-закусили, после чего Снегурка

наконец-то поправила свои косы и задорно затянула: «Хороша я, хороша!» Остальные поддержали, заявив, что и они ничуть не хуже.

– Весело у вас тут, – во время очередного затишья сказала Тамара. Она могла бы добавить, что за этим столом она впервые за несколько лет забыла про все свои невзгоды, как давние, так и самые последние. Но не захотелось омрачать застолье, даже вскользь упоминая о чем-то плохом.

– Ой, да это ты у нас еще летом не была! – сказала ей Степанида. – Зимой здесь тихо, а вот летом дачники такое порой отчебучивают, только держись!

– Ага, особенно то чучело из двенадцатого дома! – проворчала Татьяна. – Несколько раз чуть до нашего инфаркта дело не доводил! Как приедет с друзьями в бане попариться, так всей деревней, сколько нас есть, потом бежим к нему во двор очередную жертву от лютой смерти спасать!

– Он что, бандит? – осторожно поинтересовалась Тамара.

– Истинный! – заверила ее «снегурка». – То есть по профессии кто его знает, кто он там есть, а вот по сути даже надпись на лбу не надо искать, чтобы в этом убедиться.

– Вот в последний раз, например, – Степанида подняла изрезанный морщинками указательный палец, азартно затягивая паузу, – приехало их гулять мужиков эдак восемь. Пока баню топили, успели уже накатить, и не винца, а чего-то явно покрепче. Потом парилка у них пошла. Напарятся – и на улицу. Из огромной железной бочки во дворе ведро зачерпнут да холодной водой и окатываются. Ну, как все нормальные люди делают, только орут при этом раза в два громче. Мы уж было вздохнули с облегчением: кажется, на этот раз пронесло! Ан нет, поторопились радоваться! Потому что после того, как бочку они где-то наполовину подвычерпали, им, видишь ли, приспичило поиграть. Бросили в бочку горстку всяких мелких предметов и ну за ними нырять вниз головой, выясняя, кто больше всякой мелочи зубами со дна подберет. Веселье било ключом! До тех пор, пока один из них, самый пузатенький, в этой бочке-то вниз головой и застрял! Тут же, прям без антракта, вторая часть концерта и началась! Кто вокруг забегал с криками, кто принялся бедолагу за ноги из бочки тянуть, ну, прям как в сказке про репку. А что его тянуть-то, если он там засел как влитой? Скорее ботву оторвешь, чем вытащишь. – Выразительно пожав плечами, она сделала еще пару глотков шампанского. – Хорошо, Татьяна наша не растерялась. Заскочила к ним во двор, растолкала всех мужиков да бочку набок опрокинула. С перепугу даже одна с этим делом справилась, без посторонней помощи. К счастью, тот толстячок бочку собою не герметично заткнул, вдоль спины оставалась щелочка, так что вода в нее быстро вытекла. Мы как услышали, что этот там, в бочке, раскашлялся вместо того, чтобы булькать, так у нас прям от сердца отлегло: хоть не захлебнется теперь. Но когда раскаты гулко кашля из бочкиных недр сменились такими же гулкими матюгами и призывами о помощи, концерт перешел к своему третьему акту. Что только ни предлагали сделать с бочкой, чтобы вызволить пленника: и распилить, и разрубить. Кто-то из набежавших зрителей предлагал оставить бедолагу, как Винни Пуха в норе у Кролика: похудеет, мол, так сам и вылезет. Кто-то предлагал вообще его там прописать и переименовать в Диогена. Когда эти идеи долетали до застрявшего, он начинал материться с новой силой, а бочка еще и гудела ему в тон. Но что было делать, если самые долгие способы вызволения были как раз и самыми безопасными? А вырубать живого человека из железной бочки не каждый умелец решился бы. Мы уже думали МЧС вызывать, как Клавдия наконец-то нашла решение проблемы: просто залила в бочку побольше шампуня, чтобы как следует смазать бедолаге бока, а потом пощекотала его хорошенько. По бочке прокатился громовой раскат мощнее предыдущих, но при этом дядька свое пузо все-таки подтянул и выкарабкался. Исцарапанный, изо рта мыльные пузыри летят, но в целом счастливый. То есть матерился он все теми же словами, что и до этого, в бочке, но зато интонацию с отчаянной на радостную сменил. А нормальный-то словарный запас к нему, кажется, только на следующее утро вернулся, да и то не сразу. И даже после этого как взгля-

нет на бочку, так сразу начинает мать поминать. Так-то вот! К нам эти пузарики, как очухались, приходили, чтобы отблагодарить за спасение друга. Пытались и деньги совать, и выпивкой ихней угостить заграничной, да мы попросили не деньгами, а валидолом и каплями дать, чтобы при следующей их гулянке лекарства были всегда под рукой. Они посмеялись, обещали вести себя поразумнее, да только что трезвый наобещает, пьяный не всегда выполнит, так что ждем следующего лета с трепетом и свежими запасами валидола.

Отсмеявшись, Тамара, прислушавшись к своему желудку и решив, что он не будет возражать, отважилась попробовать запеченную в печке курочку: уж очень вкусно та пахла. И даже осмелилась сделать пару глотков шампанского под рассказ трех подруг о том, как одна дачница отхлестала хворостиной по мягкому месту залезшего в огород медведя, в предрасветном тумане приняв его за собственного загулявшего мужа. То, что медведь вовсе не ее муж, она поняла лишь тогда, когда тот во все лопатки припустил от нее к лесу – мужик-то ее давно уже так не бегал, да еще и на четвереньках. Потом еще был веселый сказ про наглую белочку, по осени старательно перетаскавшую все плоды с орешника Степаниды. Когда подруги пошли посмотреть, куда зверек мог спрятать несколько ведер орехов (вопрос о том, куда бы в него столько влезло, пусть и за целую зиму, даже не поднимался), наглая белка прицельно закидала их шишками, сопровождая этот беспредел истеричным стрекотанием.

Спать легли уже под утро, после того как кукушка в старинных часах прокуковала четыре раза. Степанида с Клавдией отправились по домам, Татьяна уснула быстро, начав тихонечко похрапывать под тихое тиканье часов. И только Тамара не могла уснуть, несмотря на поздний час. Может, выпалась за прошедшие два дня, а может, на нее так повлияла сегодняшняя обстановка. Голова все еще слегка кружилась после шампанского, чуть звенело в ушах, и мысли, отодвинутые и заглушенные весельем, вернулись и накиннулись на Тамару сразу же, стоило лишь ей оказаться наедине с собой.

Самая первая мысль была, конечно, о том, что Оксане угрожает опасность. Если только перепутавшие Оксану с Тамарой убийцы не осознали уже свою ошибку и не исправили ее... В любом случае надо будет завтра же... нет, уже сегодня с утра... как-то связаться с Оксаной и предупредить ее, чтобы была как можно осторожнее, а то и обращалась бы сразу в полицию. Тома позвонила бы ей прямо сейчас, если бы не украденный телефон со всеми номерами. Цивилизация избаловала нас, избавив от необходимости запоминать, как было раньше, цифры телефонных номеров, ведь для вызова абонента достаточно найти в списке его имя. Это удобно, но делает нас совершенно беспомощными в тех случаях, когда личная телефонная книжка оказывается вдруг недоступной. Сейчас именно так и было: тетя Таня готова была дать Тамаре свой телефон, и связь здесь имелась, но все упиралось в какие-то цифры...

Хотя... Да, имелся один вариант. Был один номер, который Тамара помнила наизусть, потому что не раз в порыве чувств удаляла его из телефона, а потом под давлением необходимости снова вносила. Но именно к этому человеку Тамара хотела бы обращаться за помощью меньше всего. Нет, он не был ее врагом, у них были ровные отношения, как у хороших знакомых... ну, или почти. Просто слишком уж тяжелые воспоминания будил он в ней всякий раз, как она его видела или даже просто произносила его имя, мысленно, как сейчас. Егор Латошин. Бывший одноклассник и школьный друг мужа, надолго выпавший из взрослой Женькиной жизни. Так надолго, что Тамара изредка слышала о нем, знала, что время от времени друзья переписываются, а вот познакомиться смогла лишь незадолго до того, как мужа не стало. При чем знакомство стало столь неординарным (мягко говоря), что теперь Тамара не могла видеть Егора без того, чтобы у нее все внутри не перевернулось. Она и сейчас зажмурилась, изо всех сил стиснув пальцы на скомканном пододеяльнике. Дура! Набитая дура! Хотя затея-то была исключительно Женькина, но винила во всем Тамара только себя.

Это произошло, когда Женька еще вполне свободно двигался, но работать уже не мог. После очередного курса облечения, видя, как ему тяжело, Тома настояла на том, чтобы он

уволился. В качестве предлога она использовала несоответствие нынешнего оклада Женькиному профессиональному уровню, и муж за это ухватился: они оба с Тамарой жили в те дни по ими обоими установленным правилам. Она упорно делала вид, что все под контролем и ничего страшного не происходит, а он притворялся, что абсолютно с ней согласен и ни о чем не догадывается. И уволился якобы для того, чтобы подыскать более выгодную работу, хотя в действительности оба прекрасно знали, что ни о какой работе речь больше никогда не пойдет. С этого времени Женьке стало чуть полегче, потому что у него установился тот самый щадящий режим, который рекомендовали врачи. Тамаре же стало гораздо тревожнее – неизвестно, чем он там занимается, пока она сама находится на работе, и что может прийти в его медленно, но верно поражаемую метастазами голову. Женька был старше ее почти на восемь лет, и раньше, до его болезни, Тома всегда признавала его главенство в их отношениях. Теперь же часто ловила себя на том, что начинает относиться к нему совсем иначе, как старшая к младшему, нуждающемуся в ее внимании и опеке. На работе она места себе не находила, опасаясь, что муж может что-то сделать с собой, и часто слала ему сообщения, нейтральные по смыслу, типа «Я тебя люблю», лишь затем, чтобы он ответил и она смогла бы понять, что с ним все в порядке. Он отвечал всегда, иногда писал тоже что-то нежное, иногда ограничивался отмашкой типа: «Да ладно тебе», но Тамара нисколько не обижалась. Главное, что ее благодаря этим ответам немного отпускало. Но ненадолго, потому что и вечера у них становились какими-то нестабильными. То они могли вместе смотреть телевизор или даже дружно, как прежде, заниматься чем-то по дому, а то вдруг Женька вспыхивал и замыкался в себе, уходил в другую комнату и, когда Тамара шла за ним, просил из-за закрытой двери, чтобы она оставила его в покое. При таком его состоянии она очень обрадовалась, когда мужу позвонил внезапно объявившийся Егор, неизвестно где пропадавший долгие годы. Женя после этого звонка оживился и начал собираться на встречу с другом. Тамаре, конечно, было бы гораздо спокойнее, если бы Егор сам приехал к ним, но Женька в ответ на ее робкое предложение перезвонить Егору и пригласить его к ним отмахнулся: «Том, дай двум старым приятелям пообщаться наедине, мы столько лет с ним не виделись!» Тамара не стала спорить. Хотя и здесь, у них дома, не стала бы им мешать, и муж прекрасно об этом знал. Но теперь практически любой его каприз был для нее законом, так что она лишь собрала ему с собой всяких закусок на случай, если у Егора в его холостяцкой квартире не окажется съедобных запасов, и проводила до подъезда к вызванному такси.

Если бы она только знала, во что выльется эта поездка!.. Женька вернулся около двух часов ночи, и дожидавшаяся его Тамара с порога заметила, что муж сам не свой. Женька был напряженный, как струна, губы плотно сжаты, а главное, он избегал смотреть жене в глаза, чего никогда с ним раньше не было.

– Жень, милый... – Тамара взяла его за руки, но он их вырвал.

И процедил:

– Не трогай меня. Не стою я твоего сочувствия. Вообще ничего не стою!

– Ты что такое говоришь! Что случилось?! Ты ведь так радовался этой встрече!

– Радовался, думая, что увижу старого школьного друга. Только годы пролетели, и друг стал совсем не тот. Он долгое время пробыл на Севере. Как оказалось, зону топтал. И теперь...

Женька сделал попытку упасть перед Тамарой на колени, но она удержала его, прижала к себе. И он, уткнувшись лицом ей в плечо, отчаянно выдохнул:

– Томка, я ведь тебя в карты ему проиграл!

Тамара так и обмерла. Любые слова застряли бы в горле, но их не было вовсе, потому что мозг отказывался воспринимать услышанное. Лишь ледяная вьюга остро ударила в душу. Проиграл?! Ее любимый человек, ее муж?! А как он вообще мог такое поставить на кон? Все это пришло Тамаре в голову не сразу, а спустя какое-то время, когда она понемногу начала приходить в себя. Осознала, что все еще судорожно прижимает Женьку к себе, вместо того

чтобы оттолкнуть его. Почувствовала, как он дрожит, сдерживая слезы. И сразу сработали даже не чувства, а уже инстинкт: не дать его никому в обиду! Что бы он ни сотворил, убиваемый своим недугом, она защитит его и возьмется все исправить. Вплоть до того, что убьет того негодяя, который подставил ее простодушного мужа в карточной игре. Но! Если убьет, то ее посадят! А кто тогда останется с Женькой, когда он так остро нуждается в постоянном внимании и уходе? И каково Тамаре будет сидеть в КПЗ, зная, что в это время тают драгоценные и без того уже немногочисленные дни, когда она еще может видеть своего мужа живым?! Это было немыслимо, это было выше ее сил!

– Жень... Может, можно как-то от него откупиться? – спросила она дрогнувшим голосом.

– Нет, – прошептал он чуть слышно. – Ты думаешь, я ему не предлагал другие варианты? Но он играл на интерес, и у него несколько лет не было женщины. Я даже подумать не мог, что он поставит такое условие! И если ты откажешься... Он может сотворить все, что угодно, это страшный человек! Ладно, меня прирежет, но ведь может и квартиру спалить, и тогда ты у меня останешься без крыши над головой.

– Мы останемся, – тут же поправила Тамара. – Что это ты исключаешь себя из семьи?

– Томка, а станешь ли ты со мной после этого жить? Разве такое можно вообще простить? Женя отстранился от нее и сказал, избегая встречаться с ней глазами:

– Он тебя ждет, прямо сейчас. Такси стоит у подъезда, я не стал его отпускать.

Именно это Тамару и добило. То, с какой легкостью он отправлял ее к этому своему бывшему другу! Один вернулся с вахты, а другой должен на нее заступить... Так просто?! И такси ее ждет?!

– Хорошо! – резко выдохнула Тома.

Стараясь дышать спокойно, без истеричных всхлипов, быстро переоделась. Краситься не стала, даже расческой по волосам не провела – не стоит того ждущий ее подонок. Переобулась, схватила сумку с кошельком и рванула на лестницу. Если бы Женька хотя бы окликнул ее! Но он, тяжело опустившись на скамеечку в прихожей, остался сидеть там каменным изваянием и даже головы не поднял.

Сгоряча Тамара даже не спросила у Женьки, куда ей ехать. Но таксист сам знал адрес и привез ее к нужному дому. Егор Латонин ждал ее у подъезда. Увидев уже знакомую машину, подошел, открыл Тамаре дверцу и даже руку пытался подать, но Тамара ее откинула. Выбравшись сама, выпрямилась. И взглянула в лицо своему «купцу». Если Егор узнал ее по машине, на которой недавно отправил старого друга, то она ни за что бы не узнала его, если бы ей пришлось это делать, потому что она представляла его совершенно другим. Бритым, коренастым, в татуировках, одетым в майку на лямках и мешковатые спортивные брюки, с отталкивающим взглядом. На деле оказалось, что у него имеются не только волосы, но и короткая борода с усами, татуировок на открытых частях тела не наблюдается, да и глаза, к Тамариному разочарованию, не хотят соответствовать образу закоренелого преступника. Пытливые, умные, а сам взгляд странно тревожный. Чего, интересно, он ждал от нее? Что она сразу на него набросится с кулаками, может, даже с ножом? Наиболее соответствовала Тамариному представлению о нем его фигура. Ростом он был примерно с Женьку, выше среднего. Но если муж был всегда стройным, подтянутым, то этот был широк в кости и сбит на совесть. Не то чтобы толстый, но изящества в нем было не больше, чем во взрослом медведе. А одет был в классические брюки с рубашкой. Хорошо хоть галстук нацепить не догадался.

– Здравствуйте, Тамара, – произнес он под тихий рокот отъезжающего такси.

– Привет, бывший друг, – бросила она как можно презрительнее. И, заметив, что его покорило такое приветствие, добавила едко: – А что такого? Мой муж играл с тобой на меня, но мое хорошее отношение вы вроде на кон не ставили? Так что бери, что дают, и не жалуйся.

– Да я и не жалуюсь. Пройдем в дом?

– Какое неожиданное предложение. – Тома раздраженно закатила глаза, но чувствовала, как у самой все поджилки начинают трястись.

Куда она идет?! На что подписалась?! Хотя если без этого никак нельзя обойтись, то, наверное, и в самом деле будет лучше, если все произойдет как можно скорее. Женька... Господи, ну как же он мог?! Не будь он так болен, Тамара ни за что бы ему этого не простила! Уже этим утром подала бы на развод, без всяких шансов на примирение! Впрочем, будь он здоров, он наверняка не повелся бы на такие игры. До этого Тамара и видела-то его с картами в руках всего пару раз в жизни. А теперь... Сегодня он одним движением сломал все ее прежнее восприятие мира. Все ее отношение и к нему самому, и к жизни, и...

С такими мыслями Тамара вошла в чужую квартиру. Та выглядела какой-то казенно-запущенной, хотя было заметно, что с недавних пор ее пытаются обживать. Интересно, когда он там откинулся с зоны, этот Латонин? И за что вообще сидел? Быстро оглядев жилище, она остановила свой взгляд на его хозяине:

– Может, все-таки сумеем договориться? Правда, с деньгами у нас сейчас туго, но...

– Деньги меня не интересуют, – отрезал Егор. – А карточные долги надо отдавать. Карты – это не детская забава, не крестики-нолики. Это взрослая мужская игра.

– Ну да, – горько усмехнулась Тамара. – И ты, я смотрю, здорово повзрослел с тех пор, как Женька с тобой дружил. – Она постояла недолго, собираясь с остатками всех своих сил, потом выдохнула: – Тогда давай забирай свой долг поскорее, и покончим уже с этой комедией!

– Почему с комедией? – Он положил руки ей на плечи, провел большими пальцами по ключицам и шее, словно заново привыкая к ощущению нежной женской кожи, которой он, по Женькиным словам, давно не касался.

Тамара встряхнулась, сбрасывая чужие руки:

– Потому что такое может произойти только в дурной комедии или в кошмарном сне! Бывший одноклассник выигрывает у бывшего, а сейчас еще и смертельно больного друга его жену! Ты хоть знаешь, сколько ему осталось? Даже если он тебе ничего не говорил, ты же должен был заметить по одному его виду, что он уже не жилец! У него четвертая стадия!

– Он все мне сказал, – произнес Егор после небольшой заминки. – Я знаю.

Тома закрыла руками лицо. Все сказал! Значит, и в самом деле только прикидывается перед ней, что верит в свое выздоровление? Которого уже точно не будет, о чем с предельной откровенностью сообщил ей лечащий врач. Сидя с ней с глазу на глаз в своем кабинете, после тяжелой паузы и взявшись руками за голову. Он с самого начала симпатизировал Женьке, с которым они к тому же были ровесниками, и делал для него все, что мог. Поэтому Тамара знала: если этот человек сейчас так мучительно расписывается перед ней в своем бессилии, то больше сделать и в самом деле уже ничего нельзя. Невозможно. Выходит, и Женька тоже с ним говорил? И тоже все знает, вплоть до отпущенного ему срока...

– Так! – Тамара убрала руки и вытянулась, словно струна. – Хватит тянуть резину! Не отнимай у меня время, мне нужно вернуться к мужу! И если можно, давай обойдемся без всяких там прелюдий!

– Знаешь... – Он снова хотел к ней прикоснуться, но задержал свою руку на полпути, а потом и вовсе убрал. – Уезжай прямо сейчас... Я вызову такси.

Секундная пауза. Недопонимание отчетливо отразилось на Томином лице. Уехать. И жить потом в ожидании, а не взбредет ли в голову этому ээку, для которого нет ничего святого, снова затребовать неотданный долг? Ведь муж, по сути, просто продал ее этому типу на ночь! Вспомнив его безапелляционное «такси стоит у подъезда», Тамара снова вспыхнула так же, как дома, в прихожей, и яростно мотнула головой:

– Ну уж нет. Как ты там сказал? Карточные долги надо отдавать! И я бы предпочла не тянуть с этим делом.

Он не ответил, просто замер на несколько секунд, а потом резко, словно тоже на что-то решившись, сгреб Тамару в объятия и начал целовать, как она ни пыталась этому воспрепятствовать.

Что она делала? Отдавала долг или просто мстила так подло предавшему ее Женьке? Тамара постаралась отключиться от всех этих мыслей, как и от реальности, чтобы не свихнуться в ту ночь, ставшую для нее жизненным изломом. Как будто просто она видела эротический сон из тех, что временами ей снились и даже будоражили воображение. К своему ужасу, Тома поняла, что страстные почти до ярости, но в то же время не грубые ласки Егора не оставляют ее равнодушной. Ведь если, по Женькиным словам, у Егора давно не было женщины, то и она почти начала забывать, что такое мужские объятия, потому что последние полгода они с Женькой практически не касались друг друга.

Когда посетивший эту квартиру ураган безумия унесся прочь, оставив после себя лишь тишину и тонушие в сумраке стены, она быстро сбросила с себя руку Егора, попытавшегося ее обнять, и села. Провела рукой по лицу: реальность ли это?! И выдохнула, пытаясь за иронией скрыть свою растерянность:

– Да, Латонин, успел ты потенциал накопить... И кстати: за что же ты все-таки сидел?

– Я? Сидел?! – Застигнутый этим вопросом врасплох, он не сумел скрыть своего изумления. Но вдруг осекся: – То есть...

Тамара резко развернулась к нему:

– Так да или нет?!

– Тамара... Послушай...

– Я хочу услышать от тебя лишь одно: Женька сказал мне, что ты вернулся с зоны. Но это ведь неправда, где бы ты все эти годы ни пропадал. Ты сейчас уже выдал себя с головой, так что дальше лгать не имеет смысла.

– Я... В общем, нет, я никогда не был судим. Просто так получилось, что очень далеко уехал и долго не возвращался домой. Я ведь геолог, а люди моей профессии...

– Ясно! – оборвала его Тома, сразу все поняв. – Что я натворила...

Вскочив, она принялась лихорадочно одеваться. Потом, вспомнив, попросила Латонина:

– Вызови мне такси!

– Уже вызвал. – Он как раз отключался от абонента. – Я поеду с тобой.

Вместо ответа она направила на него взгляд, полный бешенства и отчаяния.

– Том, поверь мне на слово: что бы Женька тут ни задумал, он делал это только ради тебя. Говорил, что ты к нему очень привязана, что тебе будет слишком плохо... После того как его не станет, – последние слова Латонин произнес с запинкой. – Сказал, что нужно вышибать клин клином, пока не поздно, потому что времени осталось в обрез. Сказал, что это его последняя воля. После этого я уже не мог ему отказать. Вот мы и выдумали эту историю с карточной игрой. Я ведь почти не знаю тебя, Том, только по Женькиным рассказам. Оставалось полагаться на его мнение. Что ты ему этого не простишь, и тогда тебе будет гораздо легче смириться с его потерей.

– Господи! – Тамара со слезами заломила руки. – Сколько лет мы с ним вместе живем, а оказывается, так плохо знаем друг друга! Он не понимает, что я ему сейчас все на свете прощу! А я даже не догадывалась, что именно его беспокоит, какие мысли бродят у него в голове! Все боялась, как бы он руки на себя не наложил, пока я на работе. А он в это время обдумывал, как бы мои душевные раны залечить... идиот! А я, как последняя дура, поверила, что он действительно способен меня проиграть и после этого заявиться с просьбой уплатить этот долг! И может, так ни о чем бы и не догадалась, если бы вы заранее все детали как следует обсудили.

– Тамара... – Латонин взял ее руки в свои и попытался взглянуть ей в глаза, но почти сразу смущенно потупился. – Успокойся, прошу тебя. Подумай о Жене. Я уверен, будет лучше, если он решит, что его затея удалась.

– Рада бы эту твою уверенность поддержать, да не смогу. Чего он добивался? Разозлить меня, оттолкнуть от себя напоследок? Я ради него готова на все, но только не на то, чтобы относиться к нему хуже, чем раньше. Пусть даже это была бы только видимость, все равно!

Тут латонинский телефон заиграл, сообщая, что такси стоит у подъезда. Тамара метнулась к выходу, Латонин взялся ее проводить. И, уже вместе с ней торопливо спускаясь по лестнице, сказал:

– Есть еще один вариант.

– Какой? – Тамара даже приостановилась, чтобы его услышать.

– Изобразить, что мы с тобой... как бы это сказать... приглянулись друг другу. Мне кажется, Женька будет гораздо лучше себя чувствовать, если будет уверен, что оставляет тебя не одну. И не с кем-нибудь, а именно со мной, которого он знает как облупленного со школьной скамьи.

– Хорошо, пусть будет так. – Тамара не стала долго раздумывать. Случившееся выбило почву из-под ног, хотелось, чтобы все это закончилось как можно скорее. – По крайней мере, такое будет легче изобразить, чем мое к нему охлаждение. Хотя и тоже непросто. Ну, и тебе тоже придется мне подыграть.

– Подыграю.

Он проводил ее до машины и поцеловал на прощание руку. Тамара не успела ее отдернуть. Ладно, пусть вживается в роль... И тут же о нем забыла, устремляясь домой. К Женьке.

Несмотря на поздний час, Женька не спал, а сидел в своей комнате возле окна. Когда Тамара к нему вбежала, он ни о чем ее не спросил, только поднял на нее глаза.

– Дурак! – заорала она с порога. А потом кинулась перед ним на пол, уткнулась лицом ему в колени и разрыдалась: – Прости меня! Прости! Прости!

Он положил ладонь ей на голову и чуть пошевелил пальцами, перебирая гладкие пряди волос. Он часто так делал, еще когда был здоров, а Тамара была чем-то расстроена. Раньше это ее всегда успокаивало. А теперь от этого прикосновения Тамара разрыдалась еще сильнее.

Вспоминая это, она и сейчас, лежа на перине в чужой избушке, вытерла слезы, катящиеся по щекам. Подышала, успокаиваясь и чувствуя, что сердце начинает биться ровнее. Три года прошло, а она так и не смогла смириться со своей потерей. Да и сможет ли когда-нибудь? Вряд ли. Оставалось жить тем, что есть. Квартирой, карьерой. С Оксаной вот теперь разобраться надо, а может быть, и чем-то помочь. Тамара вздохнула: Латонину все-таки придется с утра позвонить. Пусть съездит, предупредит Оксану, если только та не сменила адрес со школьных лет, ведь другого Тамара не знает. А потом, может, он и сюда приедет, чтобы увезти Тамару домой. Его-то внедорожник везде пройдет, даже в снегопад, он после Севера как раз на таких помешан, легковушки вообще не признает за настоящие машины. Так что пусть еще разок сделает доброе дело, а попутно разомнет своему монстру колеса.

Расставшись с Латониным после Женькиных похорон, Тамара редко с ним созванивалась, еще реже обращалась за помощью. Но в те дни, когда это происходило, он никогда не отказывался ей помочь, сразу же приезжал. Сегодня, конечно, особый случай, все-таки первое января, но медлить нельзя, Оксане грозит опасность. Пусть Егор хотя бы до нее доберется, а дальше уже будет видно. Сама Тамара может и подождать пару дней, похоже, что хозяйку она не сильно стесняет...

Хозяйка тем временем завозилась: у нее были куры, которые в новом году хотели есть не меньше, чем в старом, в отличие от дряхлого пса, объевшегося этой ночью.

– Тетя Таня, можно ваш телефон? – спросила Тамара, дождавшись, когда хозяйка встанет. – Я вспомнила, кому могу позвонить.

– А не рановато ли? Сегодня все-таки первое...

– Ну, если спит, то не возьмет трубку. А позвонить надо, потом вам все расскажу.

– Как знаешь. – Женщина оставила телефон и ушла, и вскоре в сарае послышалось кудахтанье кур, налетевших на зерно.

Тамара набрала знакомый номер, считая звонки. Решила, что если после седьмого Егор не ответит, то она все-таки отключится и не будет его будить, даст ему еще пару часов на сон. В конце концов, у неизвестных преступников тоже должны быть выходные и праздники, вряд ли они побегут убивать Оксану утром первого января. Но ждать седьмого звонка не пришлось, трубку Егор снял быстро.

– Латонин, с Новым годом, – начала Тамара, забыв, что звонит с чужого телефона, так что для начала надо бы представиться.

Однако он и так ее узнал:

– Тома? Фух... Надеялся, что ты позвонишь. Рад тебя слышать.

Голос у Латонина был встревоженный и не по-праздничному трезвый.

– А что случилось?

– Случилось много чего, но это не по телефону. Где ты сейчас?

– В Заболотке. – Вчера Тамара успела это выяснить. – Есть такой дачный поселок, по направлению...

– Найду. Жди меня там, я приеду.

– Егор, подожди! Я хотела, чтобы ты заехал к одной моей знакомой...

– Том, все, что хочешь, но только после того, как мы с тобой увидимся. Все, давай!

Он отключился, оставив заинтригованную Тамару гадать, что же там такое могло еще произойти. Похоже, Латонин знал о ее исчезновении три дня назад, но дело было не только в этом.

– А вот и я, – вернулась тем временем тетя Таня. – Кур накормила, девчонок на чай позвала. Встретим первое утро нового года, заодно и ты нам расскажешь, каким ветром тебя сюда занесло.

Она осеклась, по-доброму взглянув на Тому сквозь золотистую оправу приспущенных на нос очков:

– Если захочешь, конечно.

– Да скрывать мне, в общем-то, нечего. – Озадаченная Тамара вернула хозяйке ее телефон. – Только мало что я пока во всей этой истории понимаю...

Вскоре за ней приехал Егор, и, едва взглянув на него, она осознала, что понимает еще меньше, чем думала. Латонин добрался быстро, Тома за чашкой чая только успела изложить собравшимся женщинам, кто она такая и что за события забросили ее в этот дом. И не успели еще слушательницы толком высказать свои соображения, как за окном послышался ленивый лай старой собаки, а потом и крыльцо заскрипело. Не дожидаясь стука в дверь, тетя Таня пошла открывать. Егор ей понравился: входя вслед за ним в комнату, она из-за его спины украдкой показала Тамаре большой палец. Тамару это не удивило: он многим нравился, этакое воплощение спокойной мощи, надежности и женских грез о сильном плече. А вот ей самой совсем не понравилось то настроение, с которым он приехал. Не то что не праздничное, а вообще беспокойное. Как будто вернулись те страшные времена, когда они оба ухаживали за угасающим Женькой. Тогда он именно с таким лицом и приезжал к ним домой, внутренне готовый к дурным новостям.

– Егор, что случилось? – спросила она без всякого вступления, едва встав из-за стола.

– Скажем так: неприятности с твоей квартирой, – ответил он от порога, вежливо отклонив приглашение тети Тани выпить чаю. – Надо ехать. Прямо сейчас.

– Да никак обчистили! – едва ли не больше Тамары всполошились остальные женщины. – Вот тебе, Томка, и ответ, что за спектакль с тобой сыграли.

– Да нет же, Оксана в таком участвовать не могла, – возразила Тамара. И шагнула к Егору: – Ладно, поехали! На месте во всем разберемся.

– А одеваться ты что, не будешь? – поинтересовался он, так как она надела лишь сапоги.

– Не во что, – отмахнулась она.

Похоже, оставшаяся в машине у «Деда Мороза» норковая шуба не последняя из ее потерь. И хотя после того, как она потеряла Женьку, к утрате вещей Тамара относилась почти спокойно, но перспектива гулять по морозу без верхней одежды не радовала. Веселое начало Нового года!

– Ой, да я тебе сейчас внучкино пальтишко принесу, – вскочила Степанида.

– Не надо, – остановил ее Егор, накинув Тамаре на плечи свою куртку. Потом обратился ко всем женщинам: – Забираю у вас вашу гостью. Спасибо вам за нее!

– Ну давай, Томка! – Еще недавно совершенно незнакомые женщины окружили ее, чтобы попрощаться. – Не пропадай. Знаешь, где живем, заглядывай в гости. Ну, а раньше того можешь позвонить, рассказать, чем дело закончилось. Татьянин телефон у твоего кавалера, наверное, есть?

– Есть, – подтвердил Егор. – Обязательно позвоним. Но это после, а пока у меня к вам будет очень большая просьба. Возможно, в ближайшие дни к вам кто-то приедет и будет спрашивать про Тамару. Если я или Тома не приедем вместе с ним или не позвоним вам, чтобы предупредить о его приезде, не говорите ему ни слова! Не знаете вы никакой Тамары и не видели ее никогда! Поверьте мне, что это очень важно!

Егор просительно посмотрел на пожилых женщин.

– Побойся бога, милоч, – вздохнула за всех тетя Таня. – Да мы и так не собирались болтать. Но если уж это так важно, то и вовсе рот на замок! Девочки, вы все слышали?

– Возраст у нас, может, и не юный, но без слухового аппарата пока обходимся, – ответила за двоих Степанида. – Сделаем!

– Я на вас надеюсь, и спасибо вам за все, – сказал Егор уже от порога. – Всего вам хорошего! Позже мы обязательно встретимся, и я вам все объясню.

На том и расстались.

Внушительный и практически бесшумно подъехавший внедорожник Егора стоял почти сразу за калиткой. Латонин открыл Тамаре дверь, подал руку. Она приняла его помощь, садясь в машину – после того, первого раза, когда он пытался помочь ей выбраться из такси, она больше от нее не отказывалась. Закрыв за ней дверь, Егор обошел машину и сел за руль.

– Так что там с квартирой? Прошу, не испытывай мои нервы на прочность. – Тамара заговорила, едва они тронулись.

– Квартира цела. А остальное все же потом, Тома. Сейчас едем ко мне на дачу, там я тебе все расскажу. Дело очень серьезное, такое лучше обговаривать не на ходу. – Он внимательно вглядывался в зеркало заднего вида, словно пытаясь убедиться в отсутствии за ними погони.

– К тебе на дачу? А почему не ко мне домой?

– Потому что к тебе нам нельзя. Как и у меня, в городской квартире лучше не показываться. В общем, Том... Ты объявлена в розыск.

Этому известию Тамара нисколько не удивилась: если человек пропадает на несколько дней, то вполне естественно, что кто-то начнет его искать. Но вот же она, нашлась! Тогда отчего Егор такой хмурый? Тамара почти собралась его об этом спросить, но потом передумала: он уже ответил ей, что не хочет об этом говорить на ходу. Да и загородная дорога после обильного снегопада была такова, что требовала от водителя всего его внимания. Вот только мысль об Оксане продолжала тревожить Тамару не на шутку. Но когда она попыталась заикнуться Егору, что по пути на его дачу надо бы проехать по делам через город, он даже слушать об этом не

стал, хотя она и уверяла его, что дело идет о жизни и смерти. Сказал только, вторя недавним ее мыслям, что утром первого января даже закоренелые маньяки не спешат приступать к работе, так что торопиться пока некуда. И Тамара смирилась, решив, что чем меньше она будет его отвлекать, тем скорее они доберутся до дачи. А дальше станет ясно, что делать.

Место, откуда Тамара начала свое путешествие к трем гостеприимным тетушкам, она узнала вначале по просеке, а потом уж высмотрела и три засыпанные снегом елки. Четвертая, упавшая, была сейчас почти не видна. Тамара зябко повела плечами, проезжая мимо. Теперь, в машине, даже по плохой дороге, путь от деревни до просеки показался ей не таким уж и длинным. Совсем не таким, как тогда, когда она брела из последних сил, замерзая и не зная, что ждет ее впереди. А где-то еще через полчаса выяснилось, что и от шоссе Тамару завезли не слишком-то далеко. Теперь ей оставалось лишь удивляться, как это она на таком расстоянии не смогла услышать шум потока машин и ушла в другую сторону от трассы. Наверное, всему виной в тот вечер стала погода. Или действительно даже медленно ползущая машина движется настолько быстрее, чем пешеход, что представление о расстоянии искажается? Впрочем, теперь это не имело никакого значения, потому что для Тамары все ее злоключения остались позади. Оставалось только выяснить, что там с квартирой и почему Латонин настоял на том, чтобы ехать к нему на дачу, вместо того чтобы просто вернуться домой.

Двор Егоровой дачи оказался очищен от снега, а дом хорошо протоплен. Все указывало на то, что именно здесь Егор встречал Новый год. В доме даже елка была, пышная, нарядная и наполняющая комнату волшебным новогодним ароматом. Тамара прошла по комнате, пока Латонин возился с чем-то в прихожей. Давно были те времена, когда жилье Егора имело казенный вид. Теперь Тамара знала, что он любит уют и порядок. И, судя по тем фотографиям, которые она успела у него увидеть, он даже в своих палатках, в экспедициях всегда пытался достичь чего-то подобного.

Просторная светлая комната создавала впечатление не парадной залы, а некоего заповедного уголка, способного укрыть и согреть даже в самую лютую зимнюю стужу. И всюду была чистота. Ни мусора вокруг сложенных перед камином дров, ни грязной посуды на покрытом скатертью столе, ни пыли по углам. Лишь на полу, на толстом ковре, яркими пятнами выделялась парочка крупных и ярких конфетти, но они в сочетании с елкой лишь дополняли интерьер, а не портили его.

– Том, вот, надень. – Егор, оказывается, искал ей тапки. – И проходи, усаживайся поудобнее. Такие новости, какие я сейчас буду вынужден тебе рассказать, лучше слушать сидя.

– Егор, ты меня одними своими намеками и хмурым видом уже так запугал, что все твои рассказы вряд ли способны на большее. – Тамара устроилась на диване у самого подлокотника. – Ну выкладывай уже, что там стряслось.

– Стряслось... – Егор пододвинул массивное кресло, такое же лохмато-белое, как диван, и сел напротив Тамары. – Начну по порядку... Я тебе двадцать девятого позвонил, хотел узнать, когда ты будешь дома, чтобы заехать и поздравить лично. Но твой телефон оказался недоступен и в этот день, и на следующий. Конечно, ты могла уехать на праздники куда-то, где телефон не берет, но все же я решил съездить к тебе и убедиться, что все в порядке. Ты прости, конечно, но как-то уж очень тревожно мне стало. А ключи ведь до сих пор у меня.

Тамара только кивнула в ответ. Сколько раз они оба вспоминали о том, что надо вернуть ей ключи от ее квартиры, столько же раз и благополучно забывали об этом. Так ключи и оставались у Егора. С той поры как Тамара сама вручила ему этот комплект. Женькин. Вскоре после возвращения Латонина Женька слег, чтобы уже никогда не подняться, и ему эти ключи были уже не нужны. Егору же, наоборот, они тогда были необходимы, ведь он, верный выбранной ими с Тамарой роли, да и просто будучи действительно хорошим другом, разделил с ней все тяготы по уходу за мужем. Имея гибкий рабочий график, Егор сидел у Женькиной постели,

пока Тома была на работе, поддерживал его морально, помогал с мытьем и сменой белья, с уборкой и готовкой, а также с уколами и бегом по аптекам. Помощь и поддержка Егора в те дни были неоценимы, и Тамара была ему так благодарна, что порой ей даже начинало казаться, что она и в самом деле в него влюблена, а не просто играет свою роль перед Женькой, чтобы обеспечить ему душевный покой. И в тот страшный вечер, когда все было кончено, первым, кому она позвонила, тоже был Егор. Она набрала его номер, но так и не смогла сказать в трубку ни слова. Однако он все понял, хотя развязка, как ее ни опасались, все-таки наступила неожиданно для обоих и гораздо быстрее, чем они предполагали. Он сразу примчался к ней, чтобы быть рядом в самый тяжелый час.

– Я, конечно, в любом случае вначале бы в дверь тебе позвонил, чтобы не ввалиться некстати, – тем временем продолжил Егор. – И только потом задался бы уже вопросом, могу я все-таки войти или нет, просто проверить, что с тобой дома что-нибудь не случилось. Но принимать такого решения мне не пришлось: как только я приехал к тебе, сразу узнал, что твоя квартира опечатана.

– Как опечатана?! – Такого Тамара точно не ожидала, эта новость ошеломила ее.

– Вот и у меня была примерно такая же реакция, – кивнул Егор, увидев ее округлившиеся глаза. – И я после беседы с вашей консьержкой сразу кинулся в Следственный комитет выяснять подробности. А дальше, Том, вообще начинается какой-то сюрреализм, иначе не скажешь. В Следственном комитете я узнал, что в твоей квартире был проведен обыск и что тебя саму разыскивают. И что обвиняют тебя ни много ни мало в ограблении компании «Транс-корп».

– О боже... – только и смогла выдохнуть Тамара. У нее возникло такое ощущение, как будто, внезапно проснувшись, она обнаружила себя не в постели, а на краю бездонной пропасти. И не просто на краю, а уже соскальзывающей вниз, по осыпающейся под ногами земле, когда больше не за что зацепиться. Все похолодело внутри, даже дыхание перехватило. – Я. Ограбила «Транс-корп». Что за бредятина...

– И все же звучит это так. Вечером двадцать девятого числа ты, предъявив охране свой паспорт, прошла через проходную к себе в офис и перевела огромные суммы со счетов компании вроде бы куда-то в офшор. Следовательно, с которым я виделся, сам еще не знал на тот момент всех деталей, так что точная судьба этих денег ни ему, ни мне неизвестна. Знаю только, что деньги очень большие. Не скажу точно, о какой сумме идет речь, но что о миллионах – это точно.

Тамара обхватила голову руками, пытаясь осознать услышанное. Потом попросила, с трудом шевеля побелевшими губами:

– Латонин, ущипни меня!

– Том, я уже сам себя щипал после этой новости. Думаю, этого вполне достаточно. Поверь мне на слово: ты не спишь, это и в самом деле случилось. Ты сильная женщина, поэтому я выкладываю тебе все как есть.

– Но... Это же абсурд! Я с такой радостью ухватилась за эту работу, так готовилась к ней! Работа же мне все теперь заменяет в жизни: и семью, и любовь. А еще это карьера, активное развитие, да и оклад такой, что просто незачем воровать! Живи себе на широкую ногу, ни от кого не таясь и не бедствуя! И чтобы я?.. Латонин, ты-то хоть веришь мне, что я этого не делала?!

– Конечно, верю. – Он подвинул свое кресло ближе к дивану, так что его колени почти коснулись Тамариных. – Именно поэтому и привез тебя сюда, подальше от тех, кто может тебя опознать. Теперь ты расскажи мне, что с тобой случилось за эти дни, а дальше уже вместе будем решать, что нам со всем этим делать. Давай, соберись. Только факты, чтобы я был в курсе дела.

«Соберись»... Легко сказать! И это в то время, как тебе приписывают хищение едва ли не в мировых масштабах! И сообщают тебе, что вся твоя жизнь просто слетела с рельсов на полном ходу... Нечего сказать, начался новый год!

Но Егор знал, что говорил: Тамара действительно была сильной. Вынуждена была стать, когда жизнь заставила. Вот и сейчас она откинула эмоции прочь, заставив себя сконцентрироваться на последних событиях. Только факты, как и просил Егор. Начиная с того момента, как ей позвонила Оксана.

Егор слушал ее внимательно. Была у него такая привычка – при серьезных разговорах смотреть собеседнику прямо в глаза, как будто не только слушая, но и считывая информацию. Когда-то Тамару это сильно в нем раздражало, потом вроде бы свыклась, почти перестала замечать. А теперь его взгляд словно даже помогал, вселял уверенность в то, что ее действительно понимают. Когда Тамара закончила свой рассказ, Егор еще какое-то время молчал, обдумывая ситуацию. Потом сказал:

– Ну, давай пока хоть какие-то выводы попробуем сделать.

– Да какие тут выводы! Прежде всего надо Оксанку предупредить, чтобы была настороже. И чтобы мне на глаза не попадалась после всего, что я из-за нее пережила. А потом идти в полицию. Я расскажу им все как было. Не могут же они осудить невинного человека!

– Еще как могут. И сразу арестуют тебя, это уж точно... Когда речь идет о таких деньгах, никто не оставит на свободе главную подозреваемую. Нам же с тобой как раз нужна полная свобода действий – это раз. А два – не забывай про тех, кто уже пытался тебя убить. Тебе ничего не грозит до тех пор, пока они считают тебя мертвой. Ведь у них все было продумано: все списать на тебя, пропавшую без вести, так что никого из истинных виновников полиция даже не заподозрит. Ну наткнулись бы по весне на твое тело, ну опознали бы, а дальше – тупик, и никаких концов не найти. А вот если ты внезапно воскреснешь да заговоришь, то можешь сорвать им планы. Поэтому, боюсь, они ни перед чем не остановятся, чтобы тебя все-таки устранить. Может – как знать? – даже и в камере. У криминала длинные руки. А в том, что здесь работали не дилетанты, можно даже не сомневаться. Ну, или по крайней мере люди очень незаурядные. И дерзость их, и размах – все не на любительском уровне.

– Так ты считаешь, что это произошло не случайно? А мне кажется, все было иначе: после того как они опоили меня вместо Оксанки, я им в пьяном забытии сама выболтала, кто я такая. Я же абсолютно ничего не помню! Так что все могло быть. И они просто воспользовались этим шансом, можно сказать, упавшим к ним прямо в руки. Вот только не думаю, что я в том состоянии прошла бы через охрану и сама смогла бы им деньги перевести. Нет, это исключено, чтобы неадекватный человек смог бы такое сделать без чьего-либо руководства. А ведь... – Тамара задумалась. В этом деле было много неясных ей моментов! Как хищение вообще могло быть осуществлено?! Да, у такой крупной фирмы, как «Транс-корп», часто возникала необходимость быстрого проведения крупных платежей, так что была договоренность с рядом банков, позволяющая делать это по упрощенной схеме. Но ведь главный бухгалтер должна была спохватиться и отозвать платежи! Или она не успела поднять тревогу, потому что вслед за вечером двадцать девятого, когда была совершена кража, последовали выходные? Плюс самые крупные праздники в году. Тогда, с учетом этого, становилось удивительно уже другое: как вообще так рано спохватились? Могли ведь узнать о переводе денег вообще после Нового года. Но теперь эти подробности Тамаре, естественно, никто не станет выкладывать. Ни их, ни деталей самого хищения, совершенного в этот период безвременья, когда один финансовый директор занимался передачей дел другому. И главное, эта передача так и не успела до конца состояться, так что сейчас, по сути, финансами корпорации управлял не один, а все еще два человека. Но Тамарин предшественник, работавший в «Транс-корпе» несколько лет, наверняка был надежным и проверенным человеком. Хотя и ее служба безопасности тоже проверяла. А главное, она сама про себя знала, что собой представляет... на трезвую голову. Однако в этот раз, впервые в жизни, она оказалась в такой ситуации, когда целый эпизод этой самой жизни просто выпал из ее памяти! – А ведь в офис я могла пройти только одна. Никто посторонний со мной туда бы попасть не мог, там очень жесткая пропускная система.

– Том, ты не могла туда прийти. Деньги были переведены вечером двадцать девятого. По твоим же собственным словам, ты в это самое время уже должна была очнуться в лесу. И в случайность всей этой махинации я не верю. Это же надо было заранее подготовить счета, каким-то образом подсунуть бумаги гендиру на подпись, а еще найти девушку, похожую на тебя. Настолько похожую, чтобы на твоей новой работе даже не заподозрили бы неладное, когда эта особа шла вместо тебя через проходную по твоим документам. Ты сейчас не хочешь об этом думать, потому что не желаешь верить в то, что тебя могла подставить собственная одноклассница, но вполне возможно, что она не случайно выманила тебя в тот день из дома. Думаю, она тоже замешана в этой афере.

– Оксанка? Да нет, Егор, ты ее просто не знаешь. Милая хохотушка, помещанная на мечте стать великой актрисой. Она просто неспособна на такую подлость!

– С годами люди меняются, Тома. В любом случае я считаю, что начать распутывать этот клубок надо именно с нее. Поехать к ней и поговорить. И я это сделаю именно сегодня. После того как мы снова съездим к этим трем твоим кумушкам.

– К ним? Сегодня? Зачем?

– Затем, что они твое алиби. Только они способны доказать, что ты не совершала это преступление. Поэтому нам необходимо снять на камеру их показания. И не стоит откладывать это дело на потом. А запись нужно спрятать до поры до времени. Лучше всего в сейф в каком-нибудь банке.

– Подожди! Так они ведь действительно могут подтвердить, что двадцать девятого вечером я уже была у них! Причем в невменяемом состоянии! И, следовательно, быть в это же время в офисе «Транс-корпа» никак не могла! Так зачем нам делать все эти записи, если теперь я спокойно могу пойти в полицию? Расскажу все как на духу, а там уж они сами потом пусть все выясняют и кого надо допрашивают.

– Да далась тебе эта полиция! – Между темными густыми бровями Егора появилась морщинка. – Я уже говорил тебе, почему туда не стоит обращаться. Если хочешь, могу еще парочку доводов привести, почему тебе пока не следует «воскресать». Во-первых, нельзя допустить, чтобы все, кто в этом замешан, включая твою Оксанку, узнали, что ты жива. Они же всполошатся раньше времени и попытаются затаиться. А кроме того... Ты не думаешь о том, какой опасности подвергнешь трех своих спасительниц, назвав их свидетельницами? Бабушки живут обособленно, в глуши, и это твои единственные свидетели. Вот теперь и скажи мне: что попытаются сделать те, кто ограбил твою компанию? Если вдруг прознают о них? Ты же просто подставишь их под удар! Их могут устранить или надавить на них так, что они будут вынуждены изменить свои показания. Для этого есть много способов, поверь. И ни один из них гуманным не назовешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.